ности сказителя». Для преданий, бытующих в классовом обществе, такая локальная окрашенность столь же характерна. Что же касается «свободы художественного творчества», то и она, в той же мере как сказу, присуща и другим жанрам несказочной прозы, в частности, преданиям.

В. П. Аникин, как и ряд других исследователей, усматривает основное отличие былички от сказов и преданий в том, что они «относятся к далекой от положительных знаний области суеверий, представлений и понятий человека о вмешательстве в людскую жизнь всемогущей воли сверхъестественных существ» (стр. 13). К сожалению, он игнорирует наличие в народной терминологии и другого термина — «бывальщина» и не высказывает своего отношения к предложенному в исследовательской литературе употреблению его для определения суеверных фабулатов, в отличие от быличек — суеверных меморатов.

Убедительно разграничивает В. П. Аникин легенды с быличками и преданиями, указывая на их связи с христианством [1]. Определение это издавна принято в науке. Однако автору следовало бы прореагировать на новое определение легенды, впервые предложенное К. В. Чистовым в 1962 г. и подробно мотивированное в его исследовании «Русские народные социально-утопические легенды» (1966), игнорировать это последовательное, хотя, может быть, и спорное определение легенды недопустимо.

В. П. Аникин утверждает, что жанры устной прозы относятся к разным видам духовной деятельности народа. В заключение своей статьи В. П. Аникин намечает два аспекта, в которых должно вестись изучение несказочной прозы: историко-генетический анализ и выяснение состояния устной прозы в позднее историческое время.

Статьей В. П. Аникина исчерпывается, к сожалению, теоретическая часть выпуска. Это разочаровывает читателя, привыкшего ждать от очередного выпуска «Русского фольклора» большей теоретической оснащенности. Остальные восемь статей основного раздела сборника трактуют узкие вопросы, связанные с изучением несказочной прозы. В совокупности они иллюстрируют общетеоретические положения В. П. Аникина и вместе с тем имеют и самостоятельное значение.

Статья И. М. Колесницкой (стр. 20—39) посвящена русским преданьям и легендам в публикациях 1860—1870 гг. Указав исторические причины появления в 1960—1970 гг. пристального интереса к преданьям и легендам, М. М. Колесницкая выявляет большой материал, частично затерянный на страницах «Губернских ведомостей» и дает картину репертуара исторических преданий в народной традиции середины XIX в. Ею представлены различные в тематическом и жанрово-стилистическом отношении группы рассказов. Украшением статьи является приложенная к ней обширная библиография.

Ю. И. Смирнов (стр. 40—57) анализирует предание о Рахте Рагнозерском, неоднократно бывшее предметом изучения. Положительной чертой этой статьи является ввод в научный оборот многочисленных новых записей этого предания. Приложением к сравнительно небольшой, но насыщенной существенной информацией статье, являются перечень новых записей о Рахте Рагнозерском, сделанных в 1956—1967 гг., и публикация текстов, дающих представление о намеченных в статье версиях предания: карельской рагнозерской, восточнопудожской, кумбасозерской и западноповенецкой. В статье подвергнуто анализу 70 русских вариантов предания, из них 36 вводятся в науку впервые. Ю. И. Смирнов в поисках параллелей к исследуемому им сюжету сопоставляет отдельные его версии с саамскими, карельскими, коми-зырянскими и коми-пермяцкими, башкирскими преданиями и сказками, с былиной «Иван Годинович» и близкими к ней южнославянскими песнями. Можно думать, что это исследование привлечет внимание к поднятым в нем проблемам, для разрешения которых необходимы коллективные разыскания.

Несомненно, внимание не только фольклористов, но и археологов и историков привлечет интересная статья Н. И. Савушкиной «Легенда о граде Китеже в старых и новых записях» (стр. 58—76). Автору статьи удалось проанализировать состав легенды и показать ее изменения на протяжении более века. Несколько удивляет, что, говоря о современном состоянии легенды, Н. И. Савушкина не привлекает материалы, записанные в 30-х годах, в частности пересказ китежской легенды известным горьковским сказочником И. Ф. Ковалевым, текст которого крайне характерен для поздней интерпретации легенды [2].

Сказание о помощи новгородцев Дмитрию Донскому исследуется в статье С. Н. Абзелева (стр. 77—102). Путем кропотливого анализа текстов Сказания и их генетических взаимоотношений [3], автор статьи приходит к выводу, что «Сказание, основанное на историческом факте, было порождено стремлением отстоять престиж Великого Новгорода перед Москвой» (стр. 102). С. Н. Абзелев считает, что позже Сказание поддерживалось воспоминаниями о былой независимости Новгорода и локальными преданиями о новгородцах — участниках событий 1380 г., а еще позже устное предание

[1] Очевидно, здесь допущена досадная опечатка: вместо народной языческой религии говорится о «собственно-народнической языческой религии» (стр. 15).

[2] См. «Сказки И. Ф. Ковалева». М., 1941, № 50.

[3] См. «Схему генетических взаимоотношений текстов Сказания» на стр. 99.